

«Балканский передел» как зеркало глобализации

Елена Пономарева,
кандидат политических наук
Георгий Рудов,
доктор политических наук

Этапы «балканского передела» - развал СФРЮ, гражданские войны в Хорватии, Боснии и Герцеговине, Македонии и Сербии, санкции и военная интервенция стран НАТО против Союзной республики Югославии, оккупация Косово и, наконец, провокация и поддержка его независимости - знаковые события в истории, как бы сказал Дж.Арриги, «долгого двадцатого века». Однако событие легко превращается в пыль (используем метафору Ф.Броделя) вне исторического контекста, вне осознания связи прошлого и настоящего, вне знания истинных интересов главных участников действия.

Выявить системообразующие факторы этого процесса, важные для понимания трансформации современной мир-системы (И.Валлерстайн) и формирования стратегии развития России, вполне возможно. Список этих факторов довольно внушительный и традиционен для историографии балканского кризиса. Это - социально-экономические, этно-конфессиональные, идеологические, исторические, геополитические и др. Однако особое место в этом перечне занимает глобализация как высшая стадия развития капитализма.

Неолиберальный проект глобализации как основа нового миропорядка

В научной литературе существует множество трактовок глобализации, отражающих разные ракурсы видения проблемы. Все чаще исследователи воспринимают глобализацию как противоречивый процесс.

Большинство же американских коллег откровенно рассматривают глобализацию через взаимоотношения между ведущими и ведомыми нациями; положительно оценивают транснациональное доминирование

ПОНОМАРЕВА Елена Георгиевна окончила исторический факультет МГУ им. М.В.Ломоносова, кандидат политических наук, доцент кафедры сравнительной политологии МГИМО(У), старший научный сотрудник ИНИОН РАН.

РУДОВ Георгий Алексеевич окончил Казахский технологический институт, Академию общественных наук при ЦК КПСС, Дипакадемию МИД СССР; Чрезвычайный и Полномочный Посол России, доктор политических наук, профессор. Руководитель Центра мировой экономики и глобальных проблем ИАМП Дипакадемии МИД РФ.

Ключевые слова - балканский передел, Балканы в глобальной матрице, Балканизация, Косово.

США и «освобождение локальной культуры от национально-государственной ограниченности».¹

Создается впечатление, что заокеанские ученые вполне искренне считают, что глобализация, выступая в форме снятия противоречия между американизацией и стандартизацией производства и потребления, с одной стороны, и национальными экономическими особенностями, с другой, является исключительным благом. А значит, не следует чураться руссоистского принципа подчинения силой тех, кто сопротивляется «общей (читай, американской) воле».

Глобализация, как «растущее доминирующее влияние на национальные экономики глобальных финансовых рынков и транснациональных корпораций»,² буквально заставляет правительства, частные компании и людей во всех странах мира вести себя в соответствии с принципами свободного рынка. Надо признать, что у современного национального государства выбора, по сути, нет. «Включение» в глобальный проект означает кризис суверенитета, а возможно и гибель государства; в случае сопротивления – гибель в изоляции.

Глобализация как «процесс производства и обмена, в котором, благодаря господству информационных факторов над вещественными, капитал, превращающийся в электронный сигнал, оказывается свободным от всех ограничений локального и государственного уровней (пространственных, материальных, социальных и даже политических)»,³ означает не только приговор государству, но и капитализму как субстанции.

Что касается государства, то в связи с формированием глобальных

денежных рынков его возможности контролировать финансово-экономические потоки постоянно сокращаются: государственный и локальный уровни отошли на второй план, уступив место глобальному и региональному. Капитализм же, экономически эксплуатируя весь мир, «оставляет при этом вне своего политического контроля целые зоны, где он не может ни направлять как следует развитие вызванных им же к жизни или просто используемых для эксплуатации форм, ни противостоять реакциям на эти процессы местного населения...».⁴ Иными словами, на стадии глобализации «содержательного капиталистического решения» (А.Фурсов) возникающих проблем капитал предложить не может. Что означает его глубокий кризис.

По мнению К.Омаэ, главной деловой единицей глобальной информационной экономики «нового мира» является «*регион-государство*».

Регион-государство (РГ) решает региональные проблемы за счет использования глобальных ресурсов и в большей степени связан с другими регионами, чем со своей страной. Его функционирование определяется сугубо экономическими, а не политическими, и тем более, не социальными или историко-культурными императивами. РГ – это единица спроса и потребления, и не более того.⁵ По сути, регион-государство представляет собой десоциализацию, денационализацию, а значит и десуверенизацию государства.

Эти процессы уловил другой американский исследователь Ф. Боббит. Согласно его видению, национальные государства реально не справляются с решением раздирающих мир проблем и противоречий. На смену им пришел новый порядок «*рынков-государств*», где основная часть функций отдана в управление частному сектору. Участ-

ники этого процесса все меньше полагаются на регулирование и больше – на рыночные механизмы и стимулы. Если регион-государство пока еще сохраняет черты *nation state*, а вместе с ним и в определенной степени суверенные характеристики, то рынок-государство эти характеристики утрачивает окончательно.

Таким образом, регион-государство – это переходная форма к действительно глобальной структуре – рынку-государству. Поскольку последнее есть суть процесса глобализации, то **правильнее говорить в современном контексте не о суверенной, а о рыночной государственности.**

Однако глобализация глобализации рознь.

Если в развитых странах она начиналась осторожно и селективно, то в отношении периферийных для капиталистического ядра пространств требования неолибералов «навязывались наотмашь, огульно и с большой жестокостью. Детали этих требований уточнялись в каждом конкретном случае, но их суть неизменно сводилась к либерализации торговли и цен, к дерегулированию предпринимательской деятельности, к всемерному сокращению хозяйственных функций государства, строгой фискальной политике».⁶

Множество не всегда совместимых требований (молниеносная приватизация, обуздание инфляции, обеспечение платежеспособности по долгам, форсирование экспорта, стабилизация финансовой системы) давало развитым странам и международным экономическим организациям большую свободу не только в оценке состояния экономики периферийных стран, но и открывало возможности для прямого полити-

ческого, экономического и даже военного давления на них.

Выборочно прибегая к неолиберальным принципам, ведущие мировые игроки добились проведения, в частности, в периферийных странах Европы и постсоветского пространства либерализации торговли товарами и услугами, дерегулирования инвестиционной деятельности, приватизации государственных предприятий, сокращения государственного вмешательства в экономику и сокращения социальных гарантий.

Важнейшие последствия этих «преобразований» широко документированы и доступны.

В ходе неолиберального блицкрига за 10-15 лет в капиталистическое товарно-денежное обращение были втянуты огромные новые регионы и сферы человеческой деятельности. Только для Европы это 18 новых государств зоны бывшего советского влияния. Сложилась новая пропорция и расстановка сил между хозяйственными и политическими субъектами, между государством и корпорациями, между производством и финансами.

Экономика многих стран стала импортозависимой и экспортноориентированной, историческая обусловленная конкурентная борьба между странами обострилась. Появилось так же противостояние между государством и ТНК, произошла криминализация многих социальных и экономических сфер.

Реализация неолиберальной модели глобализации наиболее болезненно проходит в так называемых «переходных» странах.

Согласно документации ООН, в этих странах с 1990 г. массовая пауперизация увеличилась с 14 млн чел. до 168 млн чел., что не имело аналогов в истории.

С 1979 по 2001 гг. доходы 20% самых бедных граждан стран-членов Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) выросли на 8 %, доходы 20 % на-

селения со средним уровнем жизни – на 17 %, а 10 % самых богатых – на 69%.

При этом доходы 1 % граждан с самым высоким достатком подскочили на 139 %, а 90% населения планеты имеют среднегодовой доход ниже 5 тыс. долл США.⁷

Причины неравенства стран мира имеют одновременно политический и экономический характер.

«Несмотря на заявления о свободе торговли, крупные державы ставят всех трудящихся в условия жесткой конкуренции, при этом оставляя за собой право в произвольном порядке субсидировать отдельные предприятия и экономику целых стран, находящихся на периферии».⁷

Если на начальном этапе глобализация означала макроэкономическую реструктуризацию, которая в мировом масштабе отражала опыт промышленной революции на национальном уровне, то теперь специализация и экономическая оптимальность заставляют переносить производство туда, где интенсивное использование труда и ресурсов позволяет получать наибольшую прибыль. Теперь зависимость национальных экономик от деятельности глобализационного ядра развивается в геометрической прогрессии.

Собственно ядро включает в себя финансовые рынки, международ-

ную торговлю, транснациональное производство, в определенной степени науку и технологию, и соответствующие виды труда.

В целом глобальную экономику словами М.Кастельса можно определить как «экономику, чьи основные компоненты обладают институциональной, организационной и технологической способностью действовать в качестве целостности в реальном времени или в избранном времени в планетарном масштабе».⁸

ТНК и банки являются самыми активными проводниками глобализации. Все более широкий круг составляют корпорации глобального транснационального «гражданства». Глобализация финансовой сферы означает резкое возрастание роли финансовых рынков и их централизацию за счет интеграции денежных потоков.

Ежедневный объем трансакций составляет около триллиона долларов. Для профессионального финансиста глобализация означает «конец географии» (Р.О'Брайен).

Фактически глобализация углубляет, а не выравнивает главные диспропорции в социально-экономическом развитии, создавая тем самым совершенно новые отношения в мир-системе, формируя новый миропорядок.

Балканы в глобальной матрице

Неолиберальная глобализация, ницирированная ведущими мировыми державами, господствующими группами и ТНК, формирует особые отношения между политическими институтами, между национальными, региональными и транснациональными структурами. Периферийные, особенно малые, страны, оказавшиеся в сфере инте-

ресов ядра капсистемы, испытывают усиленное давление с целью скорейшего включения в его орбиту.

Развитие балканского региона – прямое тому подтверждение.

Специфика отношений «суверенитет-глобализация» для этих стран связана:

Во-первых, с тем, что новые государства не имеют исторического

времени для формирования национального суверенитета, через который прошла классическая Европа, для идентификации себя как *national state*.

Во-вторых, с самой спецификой глобализации так называемым внешним вызовам суверенитету. Несмотря на рассуждения о том, что в условиях глобализации интенсифицируются бинарные отношения между странами, «регионами и группами, которые, продолжают самоопределяться на основе модели «национальной идентичности»,⁹ глобализация – это отношения подчинения и даже диктата, это «транснациональное» доминирование США.

Последствиями такой политики становятся межэтнические войны, а примерами прямой гегемонии глобальных лидеров на юго-востоке Европы являются, в частности, Дейтонские соглашения по Боснии и Герцеговине, Рамочное Соглашение по Македонии, переговорный процесс по статусу Косова и провозглашение его независимости.

Фактически Балканы силой были включены в матрицу глобализации.

Противостояние политических и этнических групп полностью дестабилизировало новые балканские государства и приводило их к гражданским войнам (Хорватия – Сербская Краина, БиГ – Республика Сербская, Сербия – Косово, Македония – албанская Национальная освободительная армия). Такая ситуация создала благодатную почву для апробации альтернативных классическому национальному государству форм организации и управления для легитимации глобальной интервенции.

Вот лишь некоторые доказательства сказанному.

Согласно Дейтонской конституции (1995 г.) современная Босния и Герцеговина (БиГ) представляет собой государство, состоящее из двух Образований («энтитетов») – Федерации Боснии и Герцеговины (ФБиГ) и Республики Сербской, которые имеют свои органы власти. Существуют также общепосрпские Президиум и Парламент. Однако Общее рамочное соглашение о мире в БиГ, более известное, как Дейтонская конституция, закрепило ведущую роль в выполнении его гражданских аспектов, мониторинге и координации мирного процесса за Высоким Представителем (ВП), которого назначает СБ ООН. В структурах ВП сконцентрированы основные властные полномочия, вплоть до введения в действие на временной основе законов и снятия с постов любых должностных лиц за obstruction Мирного соглашения.

На боннской конференции Совета по выполнению Мирного соглашения (2003 г.) полномочия ВП были расширены.

Теперь он имеет право отстранять от должности официальных лиц, имеющих собственное, в отличие от международного посредника, мнение по тем или иным вопросам, смещать лиц с выборных должностей, заменяя их собственными кандидатами. В случаях, когда сторонам не удастся прийти к согласию, ВП может вводить временные решения. Кроме того, введен принцип согласования политических, экономических и иных решений, который распространяется даже на послов, аккредитованных в БиГ.

Рамочное Соглашение (РС) по Македонии было подписано при международном вмешательстве для прекращения гражданской войны, вспыхнувшей между албанскими сепаратистами и македонскими войсками в феврале 2001 г.

Положения этого документа (в частности, официальное использование албанского языка в парламенте, увеличение числа полицейских албанской национальности, избрание местных руководителей

полиции советом общины и др.) кардинальным образом изменили политические основы македонского государства.¹⁰

Фактически, положения РС – это шаг к федерализации Македонии, навязанной извне. Многие исследователи оценивают этот документ как «ультиматум, предъявленный македонским властям странами НАТО, как легализацию протектората, как утрату суверенных полномочий».¹¹

Формально Македония, как и БиГ, протекторатом не является, но присутствие иностранных представителей и международных военных контингентов, их роль в преодолении последствий межэтнических конфликтов и в формировании внутриполитического пространства ясно указывают на своеобразную суверенизацию этих стран.

На примере БиГ и Македонии видна апробация такого измерения глобального управления как «деле-

гирование полномочий» (*delegation*), то есть предоставление государством своих суверенных полномочий глобальным органам власти. В описанных случаях над властью, которой по конституции принадлежит суверенитет, стоит другая власть, имеющая правомерное полномочие давать ей указания или препятствовать осуществлению ее воли.

Таким глобальным структурам, как СБ ООН, ОБСЕ, НАТО, Хорватия, Босния и Герцеговина, Сербия и Македония в разные периоды и по разным вопросам делегировали свои полномочия. Однако, попав в управленческую ловушку, выбраться из сетей «непрямой гегемонии»¹² для новых государств очень сложно, если не невозможно. Частично вернуть свои полномочия удалось пока Хорватии и Сербии. При этом первая потеряла контроль над значительной частью экономики, а вторая лишилась части своей исторической родины – Косово.

«Балканизация» как следствие глобализации

Термин «балканизация» по является в научном дискурсе в конце XIX в. как характеристика процессов суверенизации этнически и культурно неоднородного политического пространства юго-восточной Европы, находившегося под внешним управлением Австро-Венгрии, Османской Турции и Италии. С конца XX в. «балканизацию» следует рассматривать не только как объективный и закономерный процесс, который возникает и развивается на определенном типе территорий, но и как метод управления политическим пространством, который характеризуется следующими чертами:

- в пределах четко локализованного региона, имеющего стабильную внешнюю границу, может возникнуть неопределенное количество государств. Такой регион может быть представлен единым, но не целостным, государством, которое при соответствующих внешних условиях может распасться на «суверенные» государственные единицы;

- формирование новых государственных союзов зависит от хода очередного этнополитического конфликта, а также от соотношения интересов и силы великих держав;

- государственные союзы могут

иметь многоуровневую квазифедеративную модель.

Первый уровень состоит из крупных территориально-административных единиц.

Например, Хорватия, Сербия, Босния и Герцеговина.

Примером второго уровня федерализации может служить Хорватия, которая включает такие особые социо-культурные районы как Истрия, Далмация, Сербская Краина, Восточная Славония.

Третий уровень - мелкие государства площадью от 3 до 10 тыс. кв.км. В основе такого деления лежат районы с четко выраженной социокультурной спецификой (Косово, в перспективе - Воеводина).

Возможен и *четвертый уровень*: города-государства. Такими могут стать Дубровник, Сараево, Сплит.

Отмеченные уровни не имеют абсолютного и законченного выражения, но могут иметь большую или меньшую степень завершенности, а именно:

- неопределенность и спорность многих внутренних государственных границ. Четко определена только внешняя граница региона. Внутренние границы могут флуктуировать в самом широком диапазоне. Ярким примером здесь служит Македония, ее северная и южная границы. Это, как известно, порождает сложность в международном признании суверенитета той или иной единицы. Та же Македония в ООН представлена как Бывшая Республика Югославии Македония (БРЮМ). На таком признании статуса, прежде всего, настаивает Греция, имеющая область Македонии на севере страны;

- потенциальная внутренняя готовность к конфликту, который приобретает развитые формы только при

наличии соответствующих внешних стимулов. Аналогично, при изменении тех же внешних стимулов, конфликт прекращается и переходит в латентную фазу;

- любой внутрирегиональный конфликт способен вовлечь большое количество сторон. Их заинтересованность в определенном решении конфликта может быть различной. В борьбе интересов на Балканах определяются региональные и глобальные лидеры;

- регион «балканизации» не представляет собой сплошную зону конфликта в его активной фазе. Открытый конфликт - это «плавающая точка» на территории региона.

Например, Сербская Краина (Хорватия), Республика Сербская (Босния), Косово (Сербия), Македония, опять Косово.

Затухание активной формы конфликта в одной части района ведет к его немедленной активизации в другой. Время протекания активной фазы общего регионального конфликта может быть достаточно велико - до 10 лет и более. При этом достаточно сложно определить состояние конфликта, так как район становится кризисной зоной с «плавающей точкой» открытого конфликта;

- вмешательство третьих стран в процесс «балканизации» лишь обостряет деструкцию политического пространства и приводит к перевесу сил одной из конфликтующих балканских сторон. Любое внешнее вмешательство не способно что-либо изменить в позитивном смысле в самом регионе. Конфликт удается лишь приостановить, но не урегулировать окончательно (Босния, Косово, Македония). Кроме того, победы в балканских конфликтах носят

временный и ненадежный характер. Стороны дожидаются нового конфликта, чтобы пересмотреть итоги предыдущего.

«Балканизация» регионов мира, отнюдь, не случайность. Это, в частности, результат того, что процессы освоения пространств, расположенных на стыках социокультурных систем, вышли на достаточно высокий уровень. После того, как в

конкретной системе завершается формирование ядра и внутренней буферной зоны, начинается уточнение границ внешних зон контроля. Эти зоны делаются «непроходимыми», и, как следствие, в них начинает формироваться относительно размеров этих территорий большое количество государств. В такие периоды и развиваются процессы «балканизации».

Косово – очередной этап «балканизации»

Если торжество капитализма наступает тогда, когда он «идентифицирует себя с государством, когда сам становится государством», то неолиберальная модель глобализации, главный проводник которой – США как неомперия, как кластер ТНК, предполагает поглощение, подчинение и «стирание» государства *nation-state*.

Уничтожение сильных государственных организмов происходит при сохранении формальных, чисто юридических атрибутов государственности: членство в ООН и других международных организациях, наличие конституции и т.п. Происходящие на Балканах процессы свидетельствуют не о прямом захвате стран, тем более о «стирании» с географической карты (это уже не столь важно), а о выхолащивании внутренней природы государства, сущности суверенитета.

На примере Сербии – сильного (в смысле собственного достоинства) противника капсистемы – мы наблюдаем процедуру по уничтожению национального государства за счет отсечения территорий (Косово, на очереди Воеводина), посредством установления контроля над полити-

ческим и экономическим пространством.

Балканы из-за комплекса причин (психоисторических, геополитических, этноконфессиональных, экономических и иных) стали зоной «турбулентности» капитализма.

Дж. Розенау соотносит «турбулентность» с системным хаосом, то есть состоянием мир-системы, которое может проявляться двояко.

Во-первых, «как признак распада системы, сложившейся при старой гегемонии». ¹³ Гегемония здесь понимается, как «господство плюс согласие подчиниться». ¹⁴ Как известно, югославская система, созданная при гегемонии компартии и в ситуации биполярности, стала распадаться с 80-х годов.

Этноконфессиональные противоречия югославских народов были использованы внешними игроками для провокации «турбулентности»/хаоса.

Во-вторых, «турбулентность» – это ключевая составляющая в создании системы при новой гегемонии. Сербия – единственная европейская страна, которая не просто соглашается с «новой гегемонией», но пытается высказывать свои пожелания и даже условия.

Принятие албанцами Косово декларации о независимости 17 февраля 2008 г. отнюдь не является следствием развития их национального самосознания или почти полуторавековой борьбы за независимость. Все то, что происходило и происходит вокруг косовского вопроса – это столкновение не цивилизаций и даже не государств. Роль финансово-промышленных групп капсистемы, умело использующих социо-культурные и исторические противоречия балканских народов в раскрутке этой проблемы (прав был Г. Лебон: «Над народом проще властвовать, возбуждая его страсти, чем, угождая его интересам»¹⁵) несомненна и очевидна.

Ирредентистская агрессивность албанцев в соответствующей литературе объясняется «исторической несправедливостью», причиненной им решениями Берлинского конгресса (1878 г.), который закрепил новую расстановку сил в Европе, но не предоставил ни малейшей автономии албанцам.

Однако уже на конференции в Лондоне (1913 г.) великими державами была признана независимость албанского государства в современных границах, а в декабре 1920 г. Албания стала членом Лиги Наций, причем исключительно благодаря США.

Вудро Вильсон тогда решительно отклонил франко-британский план ее раздела. Однако иметь признанное мировым сообществом государство не стало пределом мечтаний албанцев. К тому же мы нашли спонсоры и идеологи новых идей – теперь уже о естественных границах «Великой Албании», то есть объединения всех территорий, на которых, проживают албанцы.¹⁶

С момента возникновения собственного государства албанцы продолжали активно мигрировать в поисках лучшей доли, богатой земли.

Как отмечает Т. Джуда, «албанцев скорее занимает проблема собственного благосостояния, нежели территориальный вопрос и проблема достаточного для воспроизводства жизненного пространства; при этом они всегда стремились к существованию за счет других».¹⁷

Действительно, в социалистической Югославии Косово постоянно дотировалось из Фонда Федерации, имело льготы при распределении республиканских валютных средств и кредитов МБРР, отдельные ассигнования из бюджета федерации для финансирования образования и здравоохранения.

Сегодня косовары также живут за чужой счет – за счет Всемирного Банка, Международного валютного и иных фондов, а еще на средства от торговли оружием и наркотиками.

Фактически «независимость Косова» означает зависимость Европы от дикого капитала и черных рынков наркотиков и оружия. Признанием Косова мировое сообщество заменит поправное международное право с его принципами нерушимости границ и тому подобной чепухой «албанским» ирредентистским правом. Имеется в виду не рост сепаратистских настроений среди национальных меньшинств, не имеющих своих государств. Речь идет о создании прецедента на второе, третье, пятое государство одного народа. Если следовать этой логике, то в современном мире скоро будет несколько десятков, к примеру, китайских, армянских, еврейских и других государств («где живем, там и наше государство»).

В связи с этим уместно вспомнить «теорию размера» Л. Кора, согласно которой «малая единица представляет собой не один из принципов управления, а единственный принцип управления, и политика... может игнорировать ее не больше, чем физика – принцип тяготения».¹⁸

Здесь возникает, пожалуй, самый важный вывод. Для капитала косовский прецедент лишь очередной шаг в реализации не только «теории размера», но и теории «управляемого хаоса», возвращение к классическому принципу: *divide et impera* – «разделяй и властвуй».

Возможны ли альтернативные модели глобализации

Специфика глобализации состоит в том, что она не охватывает всех процессов на планете, не включает все территории и все человечество в работу своих экономических, финансовых и политических механизмов. В то время как ее влияние распространяется на весь мир, ее фактическое функционирование и соответствующие глобальные структуры относятся только к сегментам экономических и политических отраслей, стран и регионов в масштабах, напрямую зависящих от специфического положения страны, региона или отрасли в международном разделении труда.

Современная практика показывает, что, объединяя мир, глобализация его разъединяет, окончательно закрепляя неравенство экономического и социального развития. В числе последствий современной глобализации – «увядание» и даже «умирание» локальной экономической активности целого ряда стран.

Например, так называемые эффекты дерегулирования приводят не только к разорению местных производителей, росту безработицы и социальной напряженности, но и лишают правительства этих стран способности регулировать собственную

экономику, а значит, и управлять социокультурным пространством.

В переходных странах глобализация, с одной стороны, создает возможности для экономического роста, притока иностранного капитала и постепенного преодоления бедности, но с другой - она почти всегда сопровождается массовыми беспорядками, утратой национального контроля над основными экономическими ценностями и социальной эксплуатацией. В такой ситуации только сильное национальное государство может оградить рынок для своих предпринимателей, обеспечить социальные гарантии всем слоям своего населения.

Протекционизм во всех его формах, начиная от таможенных барьеров до государственных субсидий, от всевозможных норм и стандартов до антидемпингового законодательства, от административных проволочек до международных соглашений, обязывающих партнеров «добровольно ограничивать» свой экспорт, – старый и испытанный способ защитить свой собственный дом.

В современных условиях к протекционистским мерам относят также отсутствие упорядоченного (по западным стандартам) правового поля, системы бухгалтерского учета

и аудита. Даже самые рьяные сторонники неолиберальной экономики рекомендуют и используют многочисленные формы протекционизма, но только для себя. Любая попытка протекционизма на пространстве, попавшем в зону жизненно важных интересов ТНК и формирующихся корпораций-государств, пресекается любыми способами.

Разрушая суверенитет государства и собственно страны, глобалисты живут краткосрочными интересами. Они не хотят понять, что «государство необходимо для того, чтобы рынки могли функционировать, и капитализм не уничтожил бы сам себя, поскольку он часто близорук, а рынки иррациональны. Рынки, не обузданные морально-политическими законами, будут говорить, что наркотики, оружие и проституция – самые ценные товары».¹⁹

Именно национальное государство должно и может всей своей деятельностью разными способами определять важнейшие параметры рынка, устанавливать ориентиры и приоритеты для деятельности предпринимательских и иных структур. Именно оно призвано формировать общее экономическое и правовое пространство, скреплять национальное единство, формировать целостность, ставить, наконец, ограничители для общественно опасной деятельности.

Рынок, прибыль, коммерческий успех не самодовлеющие факторы, а лишь составная часть общественного развития, лишь некоторые из его механизмов, уходящие корнями во всю совокупность общественных отношений и зависящие в своем развитии от социально-политической сферы, от исторического и культурного наследия общества.

Нельзя не согласиться с Дж. Гандрейем в том, что «все рынки функционируют как результат взаимодействия индивидуальных, децентрализованных решений, принимаемых под воздействием правил и институтов, выработанных обществом».²⁰

Исследователи все чаще начинают воспринимать рынки как «общественные институты, которые создаются и сохраняются в результате усилий людей».²¹ Понимание сложности общественного бытия, а значит и необходимости поиска оптимальной и приемлемой модели развития есть важнейший позитивный сдвиг в общественном сознании, который может привести к серьезной борьбе за направление движения, издержки и дивиденды, связанные с ним.

Альтернативная модель глобализации должна строиться по мировоззренческим лекалам «человека культуры», а не «*homo economicus*», и быть адекватна гуманитарным ресурсам социума, должна учитывать диверсифицированную, регионализованную структуру социального пространства и стремиться к созданию полицентричного пространства. Это логично и оправдано, прежде всего потому, что «каждый локальный социум является активным носителем собственной «центральной» системы социальных ценностей, форм самоидентификации и самоорганизации».²²

Признаки такой модели можно заметить в политической практике государств, которые борются за сохранение собственного «Я» в мировой системе, ощущают себя достойными своего будущего. Прежде всего, это Россия, Белоруссия, Китай, Индия, Бразилия, Венесуэла, Сербия.

Россия в глобальной и региональной политике

Из-за крушения биполярной системы и ее антикапиталистического ядра – СССР стал возможен «балканский передел». Внешняя политика России за последние 17 лет прошла сложную эволюцию. Отсутствие единства в поддержку отделения Косова, на которое рассчитывали США, это прямое следствие изменившейся позиции российского руководства, четко отстаивающего национально-государственные интересы. Если в начале 90-х годов Россию, буквально, вышибли с Балкан, то сегодня у нас есть серьезные шансы вернуть утраченные позиции и международный авторитет. Что касается конкретного вопроса, то расклад сил по поводу признания/непризнания Косова – прямая заслуга Москвы.

Ряд специалистов считает сложившуюся ситуацию не только нашей заслугой, но и победой. И вот почему:

1. Благодаря российскому твердому «нет» планам по отделению Косова, период международного политико-правового беспорядка подходит к концу.

2. Многие эксперты считают, что ООН не выдержит косовского кризиса и дни ее сочтены. Однако благодаря позиции России ООН как раз может возродиться после «тяжелой болезни» - англосаксонской гегемонии. «Симптомы этого недуга проявились в подчинении воле США при решении сложнейших проблем межэтнических столкновений, в желании всегда выдерживать консенсус при голосовании в СБ, даже если понималась несправедливость принимаемого решения, в политике двойных стандартов по отношению к сербскому народу, в активном вме-

шательстве НАТО в балканские дела без решения ООН».²³

3. Роль России очевидна в процессе консолидации руководства Сербии, которое теперь имеет весомую внешнеполитическую поддержку в защите своих законных исторических прав. При всех кризисных явлениях в системе международного права пока без согласия СБ ООН, в котором Россия и Китай занимают однозначную позицию по непризнанию такой «географической новости» как Косово, будет невозможно поднять вопрос о признании его независимости на Генеральной Ассамблее ООН.

Москва не перестает повторять, что возникший в результате грубого нарушения норм международного права косовский прецедент представляет собой угрозу безопасности и стабильности не только в балканском регионе, а чреват эскалацией напряженности и межэтнического насилия, деструктивными последствиями во всем мире. В такой жесткой позиции, которая, кстати, подкрепляется серьезными экономическими амбициями («Южный поток», покупка нефтеперерабатывающих заводов в Сербии и др.) проясняется образ новой возрождающейся России.

Однако пока мы имеем все же слишком мало политических инструментов, чтобы всерьез повлиять на изменение вектора развития системы международных отношений, заданный крушением биполярного мира.

Тем не менее, Балканы для нас и всей мир-системы могут стать своеобразной точкой перелома. Россия не только самоидентифицировалась

себя с международным правом, но и заставила мировое сообщество воспринимать себя как поборницу этого права. Если политическая элита страны будет и дальше развивать эту позицию, то постепенно Россия будет восприниматься именно как защитница «униженных и оскорбленных», каковых немало в современном мире, а, значит, и приобретет немало союзников.

Возвращаться всегда труднее, чем уходить. Возвращение России в большую политику сложнее вдвойне. Важно помнить, что многое из того, что говорит или будет говорить Москва, воспринимается в штыки. Это закономерное следствие психологической и геополитической конкуренции за место в большой политике, а также образа нашей страны, растиражированного западными СМИ как державы-монстра. Тем не менее, у нас есть все необходимые

условия для «перезагрузки» глобальной матрицы и их надо знать:

- государство должно быть достаточно крупным по площади и населению;

- государство должно иметь развитую промышленную базу;

- государство должно быть достаточно сильным в военном смысле;

государство должно обладать мощным цивилизационным потенциалом – высокоразвитой культурой, длительной исторической традицией;

- государство должно иметь сильную национально-ориентированную элиту, способную максимально использовать четыре первых условия в борьбе за место в мир-системе.

За пределами ядра капсистемы есть только четыре страны, которые обладают в разной степени либо полным набором приведенных выше условий, либо первыми четырьмя. Это Бразилия, Индия, Китай и Россия.

Примечания

¹ Ali T. Globalization and Private Financial Flows: The Dilemma for Developing Countries. Dhaka, 1999.

² Сорос Дж. Тезисы о глобализации // Вестник Европы. 2001. Т.2. С. 30.

³ Фурсов А.И. Государство, оно же корпорация // Эксперт. Украина. 2006. № 7. С.55.

⁴ Фурсов А.И. Колокола истории. Т.1. М.: ИНИОН РАН, 1996. С.39.

⁵ Ohmae K. The Invisible Continent. Four Strategic Imperatives of the New Economy. N.Y., 2000.

⁶ Колонтей В.М. Западные концепции экономической глобализации // В кн. Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003. С.150.

⁷ Атлас Le Monde diplomatique. М., 2007. С. 44-45.

⁸ Кастельс М. Информационная эпоха. Экономика, общество и культура. Пер. с англ. М., 2000. С.105.

⁹ Михеев В.В. Подходы к глобализации: страны развитой рыночной демократии, новые промышленные страны Азии, развивающиеся государства и Китай. // Восток-Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений. М.: МГИМО (У), РОССПЭН, 2002.

¹⁰ Пономарева Е.Г. Этнополитический конфликт в Македонии // Обозреватель-Observer. 2006. № 6. С. 109-118.

¹¹ Chossudovsky M. NATO invades Macedonia // www.globalresearch.ca – 2001.

¹² Koenig-Archibugi M. Mapping Global Governance // Governing Globalization: Power, Authority and Global Governance/(Eds) Held D., McGrew A. L.: Polity Press, 2002.

¹³ Rosenau J.N. Turbulence in World Politics: A Theory of Change and Continuity. Princeton: Princeton University Press, 1990. P.4-5.

- ¹⁴ Грамши А. Тюремные тетради. Избранные произведения. В 3-х томах. Т.3. М.:Изд-во иностранной литературы, 1959.
- ¹⁵ Лебон Г. Психология народов и масс. СПб.: Макет, 1995.
- ¹⁶ Искендеров П. Косово и ислам // Аналитические записки. 2007. № 24. С. 137-140.
- ¹⁷ Judah T. Greater Albania? //Survival. L., 2001. Vol. 43. №. 2. P. 8.
- ¹⁸ Кор Л. Распад государств. М.: КМК, 2007. С. 208.
- ¹⁹ States and Sovereignty in the Global Economy. Ed. by D.A.Smith et al. N.Y., 1999. P.7.
- ²⁰ Gadrey J. Nouvelle economie, nouveau mythe? P., 2000. P.123.
- ²¹ Germain R.D. (ed.) Globalization and its Critics. L., 2000. P.165.
- ²² Дахин А.В. Альтернативные метафоры глобализации// Космополис. 2003. № 3(5). С. 152.
- ²³ Гуськова Е.Ю. Возрождение справедливого миропорядка начнется из Сербии? //http://fondsk.ru/article.php?id=1230